

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Сознание и его структуры

Нуждин Г.А.

Введение

Разговор о значении оказывается очень длинным, вовлекающим вопросы о сознании, смысле и понимании. И дело даже не в традиции такого обсуждения. Самый простой вопрос - а что мы знаем? - вынуждает нас вводить новые термины и объясняющие механизмы, которые только и могут придать этому вопросу смысл. Поэтому намерение данной работы - не показать возможность или невозможность знания о мире, не отличить знание от мнения или опыта ¹, а распознать знание в круге смежных вопросов.

Первым из них будет вопрос о значении и вещи. За ним последует вопрос о сознании и событии. Затем мы попробуем прояснить связку знание-понимание.

В этой работе очень много примеров. Возможно, это самая ценная ее часть, поскольку именно хорошие примеры позволяют поставить правильные вопросы.

Смысл

Говоря о смысле и значении, мы хотели бы ориентироваться на одноименную работу Г. Фреге [3]. Однако для Фреге значение было непосредственно связано с вещью, поэтому видение вещи обязательно приводило к актуализации! - единственного! - характеризующего его значения.

Научимся отличать видимое от вещи. Ведь глядя на одну и ту же вещь, я вижу ее по-разному.

Пускай я смотрю на сахарницу. Вот я фокусирую на ней взгляд и вижу уходящую внутрь воронку, которая меня пугает. Также я замечаю что-то розовенькое на боку.

Вот я увожу взгляд и вижу только самое основание сахарницы. А теперь смотрю на нее пристально и вижу сахар, белый и желтый от попавшей туда заварки.

Сахарница всюду присутствовала в моем видении - как то, чему принадлежит белое основание, как посуда с дырой, как фон и местоприще для сахара. Видимо, такое постоянство заставило Хайдеггера [4, с.36-39] сказать, что мы обладаем не представлениями о вещах, а самими вещами. Хотя, конечно, трудно представить себе обладание вещами - мы ведь не держим сахарницу "в уме".

Однако представим, что эта сахарница оказалась в непривычном для нее окружении - на дне протекающей байдэрки, например. Тогда вполне возможна замена "дай скорее эту кружку/миску/плошку..." Сахарница исчезнет, а скажи нам, что мы, оказывается, черпали воду сахарницей - мы не поверим. Пропала ли вещь? Нет, изменялась лишь ее функциональная взаимосвязь с окружающим - смысл.

Следовательно, вещь дается нам не в конкретности своего значения. Вещь делает вещью ее эйдетическая уникальность, а это-то как раз подвержено ситуативной замене. В нашем видении остается только "вещность" как скрепляющее единство - но не является ли она попросту трансцендентальным условием любого видения? Тогда можно предположить, что "вещность" обязательно несет в себе предполагаемый смысл - необходимость функциональной связи значения с другими значениями ситуации, контекстом.

Из приведенного примера видно, что мы не воспринимаем вещи как значения-эйдосы. Иначе мы не

Сознание и его структуры

Нуждин Г.А.

Введение

Разговор о значении оказывается очень длинным, вовлекающим вопросы о сознании, смысле и понимании. И дело даже не в традиции такого обсуждения. Самый простой вопрос - а что мы знаем? - вынуждает нас вводить новые термины и объясняющие механизмы, которые только и могут придать этому вопросу смысл. Поэтому намерение данной работы - не

показать возможность или невозможность знания о мире, не отличить знание от мнения или опыта 1) , а распознать знание в круге смежных вопросов.

Первым из них будет вопрос о значении и вещи. За ним последует вопрос о сознании и событии. Затем мы попробуем прояснить связку знание-понимание.

В этой работе очень много примеров. Возможно, это самая ценная ее часть, поскольку именно хорошие примеры позволяют поставить правильные вопросы.

Смысл

Говоря о смысле и значении, мы хотели бы ориентироваться на одноименную работу Г. Фреге [3]. Однако для Фреге значение было непосредственно связано с вещью, поэтому видение вещи обязательно приводило к актуализации - единственного! - характеризующего его значения.

Научимся отличать видимое от вещи. Ведь глядя на одну и ту же вещь, я вижу ее по-разному.

Пускай я смотрю на сахарницу. Вот я фокусирую на ней взгляд и вижу

уходящую внутрь воронку, которая меня пугает. Также я замечаю что-то розовенькое на боку.

Вот я увожу взгляд и вижу только самое основание сахарницы. А теперь смотрю на нее пристально и вижу сахар, белый и желтый от попавшей туда заварки.

Сахарница всюду присутствовала в моем видении - как то, чему принадлежит белое основание, как посуда с дырой, как фон иместилище для сахара. Видимо, такое постоянство заставило Хайдеггера [4, с.36-39] сказать, что мы обладаем не представлениями о

вещах, а самими вещами. Хотя, конечно, трудно представить себе обладание вещами - мы ведь не держим сахарницу "в уме".

Однако представим, что эта сахарница оказалась в непривычном для нее окружении - на дне протекающей байдарки, например. Тогда вполне возможна замена "дай скорее эту кружку/миску/ плоску..." Сахарница исчезнет, а скажи нам, что мы, оказывается, черпали воду сахарницей - мы не поверим. Пропала ли вещь? Нет, изменилась лишь ее функциональная взаимосвязь с окружающим - смысл.

Следовательно, вещь дается нам не в конкретности своего значения. Вещь делает вещью ее эйдетическая уникальность, а это-то как раз подвержено ситуативной замене. В нашем видении остается только "вещность" как скрепляющее единство - но не является ли она попросту трансцендентальным условием любого видения? Тогда можно предположить, что "вещность" обязательно несет в себе предполагаемый смысл - необходимость функциональной связи значения с другими значениями ситуации, контекстом.

Из приведенного примера видно, что мы не воспринимаем вещи как значения-эйдосы. Иначе мы не смогли бы увидеть "одну и ту же" для постороннего наблюдателя вещь как разные значения. Следовательно, сами значения не поддаются непосредственному усматриванию, они даны нам в конкретной объемлющей категории - смысле. Смысл "сахарницы" в байдарке - черпало, смысл ее на кухонном столе - вместилище сахара, смысл ее в коллекции сахарниц - фарфор того или иного мастера. Эта вещь становится "заметна" нам как сахарница только на уровне наиболее

частого ее употребления, на "базовом" уровне (Рош, Лаков). Это заставляет нас предпочитать имя "сахарница" как буквальное. Однако высокая частотность - отнюдь не повод к тому, чтобы онтологизировать этот смысл!

Смыслы шире, чем вещь

Когда мы говорим, что любимся картиной, мы уже изменяем буквальности. *Что* представляет собой картина как вещь? Доски, на которые натянут холст, на холсте положены краски, образующие цветовые пятна разной величины и насыщенности. Однако именно этого

мы обычно не замечаем, поскольку научены видеть другое ²⁾ .

Другое - это сам рисунок. Но *что такое рисунок* ? Разве он есть непосредственно, как вещь? Я помню, как мы стояли однажды перед картиной *Боннара* и считали, сколько на ней собак. На первый взгляд, собак там вообще не было. Но вдруг мой друг заметил где-то на краю картины собаку. Это заставило нас заинтересоваться, приглядеться и напрячь внимание. Вскоре одну за другой мы нашли еще пять собак! Сейчас я спрашиваю себя: были ли это собаки, а не волки или койоты? Я

не могу дать ответ, потому что *не обращал на это внимания* . А строго говоря, и не мог обратить: на той картине, возможно, не было шести собак. Их создало мое внимание, *нацеленное* на то, чтобы этих собак увидеть.

Итак, мы уверены, что рисунок представляет собой вещь, которую можно разглядывать, изучать и т.д. В процессе разглядывания рисунка мы разбиваем его на набор значений, связанных определенным смыслом, подобно тому, как недавно выделяли в сахарнице ручку, отверстие... При этом рисунок отличен от вещи,

являющейся его материальным носителем.

Вправе ли мы говорить о рисунке как о вещи, если он в материальном плане несамостоятелен? Да, потому что в плане значения он самостоятелен, что подтверждается языковым употреблением.

Следовательно, под "вещью" не следует понимать что-либо вещественное, принадлежащее некоему истинному Миру. Но вещь не является и чем-то данным феноменально, в индивидуальном мире - мы выяснили, что даны нам связи вещей, смыслы. Следовательно, та "вещность", которую мы ощущаем,

есть условие нашего видения. А конкретность нашего видения (когда мы все время видели одну и ту же сахарницу) вызвана тем, что вещьность требует означивания, интендирования значения.

Интенциональность запрещает нам возможность "пустого" видения.

Однако, как мы показали, наряду с интендируемой темой видения (значением), мы схватываем целое поле вовлеченных в смысловые связи с темой значений - смыслы видения.

Значит, видение шире, чем значение, хотя и направлено на значение. Это значение - фикция, в том смысле, что

не вызвано никакой Вещью (подобно
увиденным собакам).

Как существуют смыслы и значения?

Для Фреге объективное
существование смыслов было
очевидно в силу личного опыта
понимания других мыслителей.

Однако поставим перед картиной
кошку - и она не испугается
нарисованной там страшной собаки.
Поставим перед картиной ребенка, и
он, мимоходом глянув на него,
пойдет играть дальше - его не
заинтересует рисунок. Разве он не

схватит зафиксированные в картине
смыслы? Столетие назад никто не
понимал и не ценил
постимпрессионистов. Однако это
не означает, что в их картинах "нет
смысла" - ведь те значения, которые
мы в них распознаем (лица, собаки и
т.д.), даны нам вполне
определенным,
"постимпрессионистским" образом.
Это и есть смысл. А значит,
утверждая, что "в картине нет
смысла", мы всего лишь говорим, что
для нас способ взаимосвязи
значений в данной картине "не имеет
значения", неактуален для нас,
незнаком, и не интересен.

То, что смысл, соотносимый с темой-значением сам может "иметь или не иметь значение", выводит нас на другой уровень рассмотрения. Он описывается словами: "что он хотел этим сказать?" У любого поступка (будь то произнесение фразы, рисование картины) есть замысел, подоплека. У зрителей тоже есть подоплека их действий, набор прагматических целей. И, конечно, выращенной в академическом духе публике подоплека импрессионистов была непонятна, что не позволяло им добиться своих прагматических целей - любования их картинами.

То есть, любование картиной предполагает не только выяснение смыслов, но и раскрытие замысла? Но разве можно раскрыть замысел, который подчас самому автору картины бывает неизвестен? Значит, зритель должен не "раскрыть" чей-то замысел, а создать свой; опираясь на выделенные в картине смыслы, объединить их в решающее единство Картины.

Обладаем ли мы техникой такого воссоздания? Очевидно, что да. Публика, которая восхищалась академизмом, делала это не в силу "объективного превосходства" таких

картин, а потому, что овладела техникой их видения, в то время как техника видения импрессионистов была пока что ей недоступна.

Рассмотрим удивительное состояние: я иду по залу импрессионистов и вдруг останавливаюсь перед какой-то картиной, которая заставляет меня приблизиться и стоять, рассматривая ее долгое время. Я делаю попытку уйти, но картина "не отпускает" меня. Я прекрасно владею техникой видения этих полотен - ведь я же с удовольствием хожу по выставке. Почему же именно эта картина привлекла меня - видимо, в ней что-

то "такое" есть? То есть, замыслы существуют "объективно"?

На самом деле, мы остановились перед этой картиной именно потому, что наша техника видения не сработала. Мы встали в тупик, пытаясь вычленить в этой картине какой-то явный замысел. Однако наша честность заставляет нас заинтересоваться ею, искать необходимое связующее звено, смысл, который откроет нам путь к единству замысла. Перед этой "темной лошадкой" мы и проводим время в попытках разгадать ее. Не раскрыть ее "внутреннюю" структуру (ее в картине нет, как нет собак,

лиц...), а подобрать значение из числа известных или создать новую фикцию, через которую все прочие смыслы свяжутся в единое целое.

Итак, в простом акте восприятия выделим три компонента:

1. Компонент значения - тема, на которую направлено видение, конституируемая как интенция.
2. Компонент смысла - поле значений, связанных с темой и определяющих контекст и прагматическую направленность видения.

3. Компонент замысла - то, что делает видимое "вещью", целостность последовательно увязываемых друг с другом смыслов. Это тоже значение, но пустое, сконструированное нами в акте интереса. С этим (пока не проясненным) значением мы связываем картину как "говорящую что-то", "несущую весть".

Фреге говорил о смысле как о способе проявления значения. Однако как может "проявиться" чистое значение - не образ и не представление? Очевидно, говоря о

способе явления значения, не следует думать о проявлении какой-то сложной структуры внутри загадочного единства: значение подобно вещи и потому просто и неделимо. Сложными могут быть его системные взаимоотношения.

Скажем, "синий" может проявляться в связи "синий/красный" (холодный/теплый цвет), "синий/белый" (цвет жизни/цвет пустоты) и т.д. Таким образом, смысл значения - это те системные связи, которые на данный момент актуализированы и та категория, в рамках которой они объединены и противопоставлены.

По причинам, рассмотренным нами ниже, любое употребление значения - осмысленно, то есть на каждый момент времени какие-то системные связи востребованы, а какие-то - нет.

Это простое замечание очень важно. В сущности, оно позволяет нам говорить о работе сознания как о последовательной актуализации тех или иных системных связей.

Сознание

В "Логических Исследованиях" Гуссерль пытается ограничить область сознания последовательностью переживаний.

В сущности, он пытается уйти от привычного представления о сознании как медиаторе феноменальной данности, независимом органе, без которого восприятие и мышление невозможны. И действительно, в ходе осуществления трансцендентальной редукции, на позитивном ее шаге, Гуссерль приходит к понятиям "трансцендентального субъекта", его "второго я" - полюса склонностей и привычек и, наконец, ассоциированной с ним психофизической структуры. Как видно, сознание в эту череду

необходимого конституирования не входит.

Гуссерль, однако, боролся не с идеей сознания, а с попытками развести сознание и "эго" как независимые сущности. Вообще, трансцендентальная редукция направлена на устранение "сущностного" взгляда на мир. Сознание, видимо, мыслилось Гуссерлем как существенно временной способ протекания восприятия и мышления. В рамках этого способа в "Феноменологии внутреннего сознания времени" были выделены определенные механизмы сознания, среди которых важнейший

- механизм формирования ожиданий, будущих переживаний на основе прошедших, так называемые ретенциальность и протенциальность. Суть ретенциальности в том, что пережитое не исчезает бесследно, а на какой-то срок удерживается в сознании. Суть протенциальности в том, что из удержанных переживаний формируются ожидания будущих, которые впоследствии замещаются настоящими.

"Где", однако, оседают переживания? Ведь сознание является потоком, в котором действительно только

"Теперь". Наиболее естественно сказать, что переживания удерживаются индивидуальностью (ведь у каждого они свои) и, стало быть, попадают в сферу "второго я" ³). Появляется термин "горизонт" - область удержанных переживаний. Этот горизонт подвижен, он пополняется за счет опыта новых переживаний. Что, впрочем, значит, "новых"? Отводя взгляд от дерева и вновь возвращаясь к нему, мы не получаем "нового" дерева - мы видим то же самое дерево. Гуссерль объясняет это тождество как совпадение протенции дерева с увиденным заново. Ясно, что если

наше видение сходно с фотографированием, никакого совпадения реальности с ожиданием мы не получим (дул ветер, опадали листья). Выход в том, чтобы предположить эйдетическую природу видения, то есть утверждать, что видение происходит через сетку (по Гуссерлю -неизменных и изолированных) значений.

Сразу оговорим принципиальные возражения. Во-первых, один и тот же предмет может вести себя различным образом (например стул - качаться и падать). Следовательно, механизм формирования ожиданий должен как-то справляться с такой

неопределенностью. Во-вторых, постулирование ad hoc эйдетической сетки (необходимое для оправдания тезиса о постоянстве смыслов) не выдерживает развернутой в середине XX века критики "буквального значения", которая сводится к тому, что не существует не осмысленных контекстом значений. А раз в расчет принимаются только смыслы (набор системных связей), само значение (узел системы) теряет свою семантику. Вопрос о познании как прозрении скрытых пока значений заменяется вопросом о познании как возникновении новых узлов и структурных связей.

Наконец, надо сказать, что видение и вызывающее его внимание не могут существовать как изолированные акты сознания. Раз есть внимание, есть и "моменты невнимательности", когда сознание не озабочено ухватыванием. Для осмысления внимания Гуссерль вводил метафору "потока сознания", непрерывный компонент, на фоне которого мы имеем право говорить о внимании как об остановке. Однако этот непрерывный компонент не был осмыслен как компонент прежде всего *индивидуальный* и потому выполняющий определенные функции конституирования

индивидуальности.

Таким образом, наша критика Гуссерля может свестись к четырем пунктам:

1. Не следует отказываться от понятия сознания, мыслимого как индивидуальный способ видения и мышления, то есть как система значений субъекта.

2. Механизм внимания должен быть объяснен исходя из индивидуальной системы значений (поскольку мы обращаем внимание на то, что *нам* интересно).

3. Необходимо выяснить, что происходит в сознании *между* актами внимания. Еще Пуанкаре указывал на то, что определенная работа сознания происходит вне нашего рефлексивного контроля. Однако такая работа *не* является целиком бессознательной, поскольку она объяснима и фиксируема на уровне системы значений.

4. Необходимо объяснить механизм возникновения и перестройки индивидуальной системы значений.

Ту часть сознания, которая производит ненамеренную работу со значениями, непрерывную его составляющую, мы называем "настроением". Для объяснения генезиса индивидуальной системы значений мы вводим понятие "событие".

Событие

Событием мы называем неоднозначность формирования ожиданий, которая приводит к возникновению оппозиции (структурной связи) двух значений в определенной категории. Грубо говоря, событие - это осознание

необходимости выбора одной из возможностей. Существенно, что одна из возможностей необязательно должна быть нам известной, она может быть, например, гипотетической оппозицией данной возможности ("А если это не так?").

Типичный случай такой оппозиции - зарегистрированное отклонение феноменальной данности от ожиданий. Это отклонение может вылиться в осознанное предложение типа "Этот стул сломан", а может остаться смутным и неопределенным ощущением "что-то не так, что-то мешает, что-то случилось". В последнем случае никакое значение

с горизонта известных не актуализировано, поэтому события - нет, есть только повод для его возникновения. Чтобы событие возникло, нужен *интерес* - конституирование новой возможности в оппозиции предполагаемой.

Например, если мы сели на стул и он упал, возникает оппозиция предполагаемого ("крепкий стул") и реального ("шаткий стул"). Обе возможности присутствовали на горизонте, поскольку мы в жизни не раз падали со стульев. Все же хотя событие не было для нас абсолютно неожиданным, оно стало

неожиданным в данном контексте ожиданий.

Однако если стул взлетел, то однозначной возможности у нас не будет (если, конечно, у нас не было опыта летающих стульев).

Произошедшее станет для нас совершенно неожиданным, неопределенным, хотя и описуемым (оппозиция "стул стоит/стул летит"). Поэтому произошедшее тоже станет для нас событием, хотя и потребует разъяснения, уточнения категории оппозиции (летит, потому что с мотором или потому что мы выпили лишнего, и так далее).

Наконец, бывают ситуации, вообще неопиcуемые в рамках наличной системы значений (трансцендентный опыт). Такие ситуации не являются для нас событиями сами по себе, поскольку они нам несоизмеримы. Соизмеримо нам наше состояние, условия, в которых происходил опыт (время суток, обстановка). Эти явления и станут для нас событием, поскольку будут нести на себе печать произошедшего.

В этом случае интерес конституирует новую возможность - "что-то произошло", а сознание, пытаясь справиться с

произошедшим, заменяет его на видимое в пределах нашей системы значений.

Например, в ходе какого-то важного для меня разговора я чувствую, что нечто решающее ухвачено мною. Я оглядываюсь кругом, но нигде не вижу следов произошедшего (они неразличимы). Тогда я переношу решающее значение на мое окружение. Я вижу, что мой собеседник ходит кругами, а не стоит на месте, и это становится для меня событием. Я слышу тиканье часов в соседней комнате, и это тоже становится событием. Пытаясь вспомнить тот разговор через год, я

не могу припомнить ничего иного, кроме однообразного тиканья и напряженных шагов по комнате моего собеседника - они остались как знак о произошедшем, но бессильны отобразить произошедшее.

Из определения события вытекает, что новое доступно нам только в событии. Вне события - только воспроизводящие уже известные нам структуры ожидания. Событие же есть то, что изменяет наш горизонт, перестраивая прежние структуры и добавляя новые.

Событие противопоставлено ожиданиям, следовательно, всегда неожиданно. Поэтому нельзя говорить о "событии вообще". Рассматриваемые в аналитической философии "события" типа "сражение при Бородино" не являются событиями в нашем рассмотрении. Событие, о котором мы говорим, - индивидуально. Рождение у Галочки второго ребенка не может стать для нас событием, если мы не знаем, кто такая Галочка или если нам не интересна ее жизнь. Событие есть то, в чем мы принимаем активное участие как ожидающие или интересующиеся.

Если нам не интересна война в Ираке, то событием для нас станет не прорыв американских войск, а раздражающее гудение телевизора. Один и тот же факт, таким образом, воспринимается одними так, другими иначе, а третьими вообще не воспринимается как событие.

Каковы условия того, что событие происходит

Во-первых, для возникновения события необходимы ожидания. Иначе не может возникнуть неоднозначность.

Во-вторых, существенно, что не все значения могут быть противопоставлены. Некоторые значения не связаны ни в какой обобщающей категории, поэтому их сопоставление не приводит к осмыслению (ср. шуточные задачи "что общего между..."). Пустые, не определенные пока (то есть ни с чем не связанные) значения также ничему не служат оппозицией. Например, если ребенок первый раз в жизни слышит слово "война", то приписываемое этому слову значение будет для него совершенно бессмысленно. При необходимости осмыслить это слово, ребенок

сделает это произвольно ("война - это когда купаются в ванной"). Постепенное увязывание этого значения с другими создаст определенную сферу смыслов, в рамках которой это значение будет соизмеримо с другими.

Следовательно, когда мы говорим о формировании ожиданий, надо учитывать не конкретные значения, а целые смысловые сферы связанных с данным узлом значений. Очевидно, что сфера ожиданий "одних и тех же" значений у разных людей разная. Скажем, у энтомолога с бабочкой могут быть связаны такие смыслы, как "период спаривания" или "время

оукливания", а у ребенка -
"пятнистость" или "любит она меня
или нет".

Пусть мы сидим в комнате, и до нас
доносится явственный запах из
кухни. Если мы - люди, не
привыкшие готовить, скорее всего,
этот запах будет означать "на кухне
что-то готовят" или мы не заметим
его вообще. Этот запах не поставит
нас в тупик двух равнозначных
возможностей. Однако для кулинара,
отлучившегося из кухни, запах может
стать вестником того, что за едой не
следят и она пригорает. Эта весть
заставит кулинара побежать на
кухню, проверить, все ли в порядке.

То есть проверка призвана разрешить потенциальный выбор - горит еда или нет.

Однако даже кулинар может "засмотреться" или "заслушаться" и упустить еду. Следовательно, его сознание будет заинтересовано не столько в готовке, сколько в других вещах, чьи проекты сознание и будет раскручивать.

Поэтому *сфера ожидаемого на данный момент всегда у'же сферы потенциально возможного*. Это связано с тем, что ожидания вне события всегда однозначны.

Сознание не умеет раскручивать два

проекта одновременно [4](#)) . А значит, какая-то часть сферы возможных ожиданий всегда оказывается неактуализирована.

Настроение

Ту часть сознания, которая обеспечивает определенную актуализацию ожиданий, мы назовем настроением. Почему такая часть есть? Потому что сфера возможных ожиданий шире ожидаемого на данный момент. Любое намерение, связанное с конкретным значением, также может быть осуществлено многообразнейшими способами. Предположим, мы роняем чашку.

Наши ожидания могут построить оппозицию двух вариантов: разобьется/не разобьется. Это то, что актуально на данный момент. Однако сознание не ограничится тем, что изберет одну из этих возможностей как таковую, оно выработает проект развития ситуации - представит, как осколки разлетаются по полу, как переживает ребенок, столкнувший чашку, и т.д. Чем вызвана эта избыточность? Это следствие протенциальности сознания, способности строить забегающие вперед проекты. Без нее наша жизнь стала бы бессобытийна. Существенно же то, что проект

всегда формируется в достаточной определенности. Чем вызвано то, а не иное развитие проекта? Случайно ли формирование ожиданий?

Настроение легче проследить на автоматизмах - реализациях ожиданий. В нашей повседневной жизни мы не просто воспринимаем в основном мир ожиданий, но и исполняем их. Умение поднести ложку ко рту, прыгать через ступеньки - это автоматизмы, сформированные на основе подтверждающихся ожиданий тела.

Предположим, мы спускаемся по лестнице. Это автоматизм. Однако

мы можем идти медленно или быстро, перепрыгивая ступеньки или проходя по каждой. Выбор автоматизма не является следствием нашего окружения, он обусловлен чем-то, касающимся непосредственно нас (скажем, идущий с нами друг может выбрать иной автоматизм). В обыденном употреблении мы говорим о настроении как о регуляторе автоматизмов. Мы говорим: "Смотри, как он весело прыгает по лестнице, у него, наверно, хорошее настроение". Или наоборот: "Спускается медленно, как на виселицу". И само слово "настроение" указывает на

определенный предпочтительный
строй развертывания автоматизмов.
Настроение нацеливает и
ограничивает чрезмерно широкую
сферу ожиданий.

Сама возможность говорить о
настроении вызвана наблюдаемой
непрерывностью наших действий.
Мы можем сказать: "Пако весь день
был мрачен и зол". Раз мы можем
говорить о "мрачности Пако", мы
видели его и в других модусах. Мы
знаем, что все поступки,
совершенные Пако за этот день,
могли бы быть иными, однако Пако
избрал те поступки, которые
принадлежат смысловому полю

"мрачный и злой". То есть всем избранным им автоматизмам было присуще нечто общее.

Настроение есть всегда, поскольку всегда есть возможность выбора ожиданий. Это своего рода способ бытия сознания, состоящий в предпочтении определенных смысловых полей. В дальнейшем мы иногда будем отождествлять настроение с актуализированными ожиданиями, по которым мы только и можем судить о настроении. Однако не следует думать о настроении как о каком-то "содержании сознания" - сознание есть способ нашего видения и

мышления, а настроение есть способ явления, актуализации этого способа в данный момент.

Удивительная способность настроения в том, что оно контролирует доступ к феноменальной данности. Действительно, феноменальная данность (мир) поступает к нам как "остаток" от сконструированных ожиданиями проектов. Поэтому если ожидания настроены на определенное смысловое поле, то все значения, не попадающие в это поле, будут отброшены. Скажем, если мы в "рабочем" настроении, то ни предложение поработать по дому, ни

визит соседки, ни работающий телевизор просто не будут замечены как несущественные, чуждые избранному полю смыслов.

Настроение не постоянно, оно меняется (раз Пако *сегодня* мрачен, значит, бывает и не мрачен).

Очевидно, что развертывание потока ожиданий не может оборваться само, необходимо событие, которое скорректирует этот поток. Поэтому мы вправе утверждать, что настроение меняется дискретно.

Поскольку событие не появляется в результате чистой активности субъекта, мы не можем полностью

контролировать наше настроение. Например, сломанная рука, которая все время напоминает о себе (мы ожидали, что сможем этой рукой что-то сделать, а она не позволяет - событие), заставляет включить в поле смыслов представление о неудобстве нашего положения. Этот новый смысл изменит наши ожидания так, чтобы мы больше не пытались сделать что-то сломанной рукой. Однако смысл неспособности двигать рукой может быть связан в нашем сознании с бессилием, жалостью и т.д., то есть с тем, что мы привыкли называть "упадническим настроением".

Тем не менее настроение - не бессознательное. Во-первых, настроение - это механизм, который понадобился нам для феноменологического объяснения определенности выбора сиюминутных ожиданий из потенциально более широкой сферы возможных ожиданий. Поэтому этот механизм не имеет ничего общего с психологическим феноменом настроения. Во-вторых, настроение не служит материалом для рефлексивного сознания, а всего лишь отбирает круг возможного материала. Фрейдистская позиция пытается обосновать, почему какие-

то значения, являясь существенными для сознания, не получают в него прямой доступ. Мы же пытаемся объяснить сам механизм "существенности" как возможности получения доступа к Миру.

Не является настроением и "модусами" восприятия, поскольку модусы всего лишь определяют круг смыслов, в которых будет представлено данное значение, у них нет функции отбора воспринимаемого. Модус восприятия - это статус, приписываемый схваченному в сознании. Настроение же не относится к схватываемому, но

определяет круг производимых сознанием ожиданий.

Непрерывность настроения

Представим себе, что утром мы поссорились с важным для нас человеком и что он в гневе накричал на нас и заявил, что больше общаться с нами не намерен. Ближе к вечеру мы возвращаемся из театра и, пытаясь проанализировать свои ощущения от пьесы, замечаем, что в них присутствует нечто чужеродное - мы встревожены и недовольны замечательнейшим спектаклем. Тут мы догадываемся, что чувство неприятия и злости, скорее всего,

напрямую со спектаклем не связано, на нас наслоилося утреннее раздражение и недовольство.

С одной стороны, мы воспринимаем утреннюю обиду как элемент, единичное событие. С другой стороны, действие его непрерывно и конституирует реальный поток переживаний. То есть событие не просто вызывает изменения в системе значений, но и вызывает к действию некоторый непрерывно протекающий процесс. Этот процесс заставляет нас в спектакле увидеть только дурные стороны, более того, управляя нашим вниманием, он производит непрерывное

самоконституирование утреннего события. Такими чертами может обладать только настроение.

Отсюда ясно, что настроение непродуктивно, а является самоконституированием, бесконечным разворачиванием одного и того же.

Рассмотрим навязчивую мелодию, непрерывно прокручивающуюся в голове. Это прокручивание достаточно устойчиво: сколько бы мы ни обращались к тому, чем занято наше сознание, мы все время будем обнаруживать там одну и ту же мелодию - до тех пор пока не

обнаружим, что мелодия давно уже не звучит.

Чем сложен этот пример? Казалось бы, он свидетельствует о непрерывности настроения. Ведь мы выяснили, что именно в функцию настроения входит постоянное раскручивание ситуаций. Однако как доказать, что между актами фиксации мелодии в сознании эта мелодия присутствовала и раскручивалась? Аргумент может быть таков: мелодия должна раскручиваться последовательно. Мы не умеем "скакать" внутри мелодии на автомате, поскольку автомат - это воспроизводство услышанной

последовательности. Однако в разные моменты времени фиксируются разные части мелодии. Следовательно, между актами внимания происходит развертывание мелодии от одной части к другой.

Можно было бы возразить: а почему бы не считать, что мы вообще не воспроизводим мелодию, а всего лишь "переводим взгляд" с одних запомнившихся мест на другие? На это следует ответить, что мелодия не дана нам как вещь - ее надо всякий раз конструировать заново, причем каждый перескок мелодии не дан нам феноменально, поэтому не присутствует как ожидание и,

следовательно, должен вызываться каким-то намеренным актом.

На самом деле, раскручивание мелодии - феномен того же типа, что и почесывание в затылке или позвякивание ключами в кармане: он осуществляется автоматически, без осознанного участия сознания.

Именно поэтому этот акт доступен непрерывной рефлексии - мы способны наблюдать за внутренним прокручиванием мелодии так же, как на концерте, и точно так же мы можем наблюдать почесывание в затылке и т.д.

Идея непрерывности настроения вызывает естественное следствие: в сознании всегда что-то есть. Оно не бывает пустым. Представим себе, что мы слышим урчание холодильника. Погрузившись в работу, мы замечаем через некоторое время, что урчание давно прекратилось. Как проинтерпретировать это "давно"? Если мы уже давно заметили, что холодильник умолк, почему сознание сразу же не дало об этом сигнал? Очевидно, потому, что мы были заняты, и нам молчание холодильника было не важно (не входило в ожидания и потому не стало событием). Освободившись, мы

восприняли молчание как не соответствующее ожиданиям. Значит, ожидания были - то есть все время, пока мы работали, сознание прокручивало урчание холодильника, несмотря на феноменально данное молчание.

Существенно непроясненным остается одно: характеристика "давно". Мы знаем, что время осознается в событиях, которые смещают важность с определенных вещей, делая их более тусклыми и незаметными. Какие, впрочем, события могли произойти во время работы? Ведь мы напряженно

концентрировали внимание и интерес на чем-то одном.

Следовательно, мы вообще не можем судить, давно ли на самом деле отключился холодильник. "Давно" здесь выступает синонимом "не только что". "Только что" произошло событие, заставившее нас оторваться от работы, а урчание холодильника воспринимается нами как прекратившееся раньше. "Давно" поэтому означает, что мы заметили не действительное (феноменально данное) событие, а событие, являющееся временной проекцией действительного.

Сходное с рассмотренным событие - "мелодия давно не звучит". В данном случае мы тоже не должны предполагать, что мелодия исчезла из сознания давно. Ее активное прослушивание действительно прекратилось, стало неважным, и с этого момента содержание настроения стало нам фактически недоступным. Поэтому следующее обращение к настроению является уже конституирующим, прекращая выполнение мелодии и активизируя новый автоматизм. Ощущение "давно" здесь всецело обманчиво и говорит только о том, что зарегистрированное сознанием

исчезновение мелодии не произошло в данный момент.

Заметим, что как только мы перестаем концентрировать внимание, оно тут же обращается к прослушиванию настроения. То есть сознание не просто всегда полно, но и стремится к осознанию своей полноты, к регистрации настроения.

Сознание, удерживающее мир

Мы говорили о сознании как о способе восприятия мира и о способе протекания "внутренней" жизни человека. В этот способ входят, во-первых, система значений,

в которых происходит видение и мышление, во-вторых, механизм формирования ожиданий на основе увиденного, в-третьих, механизм соотнесения ожиданий и восприятия, в рамках которого система значений меняется.

Ясно, что без этих механизмов никакое стабильное действие не было бы возможно - простейший акт типа поднесения ложки ко рту каждый раз требовал бы новых проб и ошибок, новых усилий выработки верной координации. И эти усилия никогда не увенчивались бы успехом, поскольку суть успеха - в формировании смыслов и значений

(в нашем примере - "ложки", "корту", "не спеша" и т.д.), то есть в реализации сознательных механизмов.

Но функция сознания, не просто в налаживании взаимоотношений с миром, без сознания не существовало бы и мира. Ведь механизм "остановки" внимания, в котором только нам дается что-то как нечто, - сознательный механизм. Без сознания ничто не было бы дано нам как вещь, как часть мира. Представим себе, что мы отправились в лес и через некоторое время вернулись. Нас спрашивают: "Ну, что с тобой там случилось?" Мы

осознаем, что нечто произошло - но только благодаря тому, что наша прогулка вычленяется в сознании как целостность. Ведь ежесекундно что-то с нами происходит! Значит, немыслимым огрублением будет вписать многоликое происходящее в ограниченный пространственно-временной интервал, да еще и осмелившись описать его как "я неплохо погулял"!

Впрочем, мы всегда осознаем, что у нас нет слов для описания происходящего. Точнее, наши слова несоизмеримы с происходящим. Поэтому мы никогда не описываем Мир - феноменальную данность. Мы

описываем другой мир, который получаем в наследство от других людей и потом изменяем и воссоздаем. Почему мы заведомо не поверим тому, что камень говорит? Потому что мы знаем: у камня - язык "камней", несоизмеримый с человеческим языком. Собственно, утверждение экзистенциалистов о несоизмеримости человека и Мира сформулировано неточно: у нас нет представления о Море, Мир мы только ощущаем и воспринимаем внесознательными органами (если такие есть). Наши представления, напротив, сознание черпает из мира знаний, возникающих из событий:

"мир" - есть совокупность событий, а
Мир - совокупность происходящего.

Поэтому страх экзистенциализма -
не встретиться лицом к лицу с
Миром (мы и так неосознанно
делаем это ежесекундно), а потерять
мир. Представим себе, что сознание
перестало воспроизводить мир в
ожиданиях. Исчезло привычное
течение мира, исчезли и события.
Исчезло и течение времени, исчезла
сама жизнь!

Эта ситуация великолепно описана
Сент-Экзюпери [2, с.261]: "Он не
испытывал никаких желаний. Он
ничего не испытывал. Времени у

него было сколько угодно. Делать ему было совершенно нечего". Это - о человеке, стоящем на крыле горящего самолета с мертвым экипажем, в то время как его поливают пулями немецкие истребители! Но спросим себя, а что он мог сделать? Что в этой ситуации могло указать ему на то, что надо сделать? Ему было все равно, а это означает, что сознание выключилось, перестав вырабатывать предпочтения. Единственный голос, который он слышал, был голос Мира, но диктовал он свои указы не сознанию, а телу. И он спрыгнул.

Страх потерять мир - это страх потери логоса, человеческого.

Напротив, функция сознания - воссоздавать человеческое. В этом смысле сознание консервативно и традиционно. Мамардашвили пишет [1, с.215-216]: "Сознание есть какая-то устойчивость живых форм, их тенденция воспроизводить себя". Эта устойчивость необходима нам для действия. А воспроизводство себя - и есть жизнь, как мы понимаем ее, - последовательность событий, разворачивающаяся в целостности мира сознания.

Знание

Теперь, наконец, мы можем сформулировать взгляд на знание. В

философском употреблении этого слова смешаны как минимум три понятия: 1) акт познания, направленный на Мир, 2) состояние или модус бытия человека, 3) причастность некоего утверждения "абсолютной истине". Во избежание этого смещения "знанием" мы будем называть второе из описанных понятий - точнее, систему значений, в которых человек мыслит и воспринимает. Такое знание, конечно, нельзя отличить от "мнения", поскольку индивидуальная система значений ни в каком смысле не абсолютна.

В силу такого релятивизма никакое значение мы не можем считать "абсолютным" и потому "абсолютных истин" сознания нет. Утверждение "красный волк - это волк" не является "более истинным" по отношению к утверждению "я человек" с точки зрения способа существования такого знания. И то, и другое утверждение могут быть включены в способ нашего видения мира в результате акта познания - понимания, - который состоит в наделении смыслом [5](#)).

Знание-"что" и знание-"как"

Это различие было достаточно четко сформулировано Райлом. Знание-"что" направлено на вещь, которую мы хотим как можно полнее осмыслить. Знание-"как" направлено на то, чтобы успешно разрешить ту или иную жизненную ситуацию. Эти два вида знания безусловно плохо коррелируют друг с другом.

Некий физик [6\)](#) , приехав ранним утром на биостанцию, оставил рюкзак на берегу и пошел искать дирекцию. Вернувшись, он не нашел рюкзака. Велико же было его удивление, когда он заметил рюкзак,

плавающий метрах в двадцати от берега!

Будучи образованным человеком, этот физик, конечно, знал, что такое прилив и какие он имеет последствия. Однако у него не было автоматизма осторожного обращения с приливами, поскольку до этого у него ничего в море не уплывало (не было события-прецедента) [7](#)).

Напротив, из знания-"как" не следует знание-"что". Умение играть на скрипке, например, не означает, что мы способны описать его (ср. с притчей о сороконожке). В книге о неявном знании М. Полани

содержится много других подобных примеров.

Знание и понимание

В параграфе о событии мы говорили об акте единичного выбора как об источнике изменения системы значений. Нетрудно заметить, что вся наша сознательная жизнь является либо актами внимания, либо актами выбора. Мы либо отслеживаем наше настроение, либо меняем его.

Деятельность выбора все же сильно отличается от деятельности слежения тем, что она требует *намеренной* активности

(актуализации системы значений). Мы должны затратить определенные усилия, чтобы совершить выбор, поскольку от него зависит, что с нами произойдет. Поэтому деятельность выбора - это деятельность, ориентирующая нас в нашем мире, и она по праву может быть названа деятельностью понимания.

В процессе этой деятельности мы понимаем текущую ситуацию. Это означает, что мы либо впервые формируем ожидания, либо корректируем их. При этом наше решение должно быть обусловлено стоящей перед нами задачей.

Парадокс понимания в том, что мы не можем знать заранее, какие действия мы должны предпринять для решения данной задачи.

Например, проигрывая в первый раз музыкальное произведение, мы еще не имеем представления о том, как его играть. Мы отображаем написанные ноты и следуем значкам композитора, как это сделал бы автомат. Здесь еще нет понимания. Понимание появляется, когда мы затрудняемся сыграть ту или иную часть произведения, потому что не понимаем, как это надо сделать. Затруднение и есть начало процесса понимания. Мы затруднились

сыграть какую-то определенную часть, следовательно, она выявилась и, тем самым, противопоставилась всему остальному произведению. Возник зародыш структуры.

В ходе дальнейшего исполнения каждая из выделенных частей разбивается на другие части, которые осмысливаются во взаимосвязи и т.д. Существенно, что выделяющиеся части - это не обрывки каких-то мелодий, а *части одного произведения*. Их объединяет наше намерение сыграть *одно* произведение. То есть начиная с первого затруднения, мы затрудняемся над чем-то одним.

Результат процесса понимания - образовавшаяся структура значений. Эту структуру мы уже можем воспроизводить автоматически, где надо замедляя, где надо утихая. Напротив, новые усилия понимания приведут к новой трактовке произведения.

Спросим себя: каковы основания, позволившие нам произвести именно это структурирование? Их нет. Событие затруднения, основа процесса понимания, произошло спонтанно, само собой. Отчасти оно было обусловлено материалом (заранее разбитым на части), отчасти

- нашей несостроенностью с ним. Важно то, что, случившись, оно дало нам ключ к возможности ввести какую-то структуру. Насколько успешной оказалась введенная структура может показать только ее дальнейшая судьба. Неудача, затруднение же приведут к необходимости понять заново.

Аналогично решение математической задачи начинается с выявления "ключевых" мест-затруднений. Иногда успешная догадка, то есть выявленное место затруднения, сразу переводит решение в пласт ожидаемого, тогда окончить его - дело техники. Иногда

для того, чтобы достичь известных ожиданий, требуется развертывание сложной структуры. Важно, что это развертывание происходит постепенно, пошагово. Основанием же для перехода к следующему шагу служит успех действия - осмысление той или иной части задачи.

Мерцание

Вспомним, как мы первый раз ходили в гости по описанию. Каждый переулок привлекал наше внимание - возможно, именно в него нам предстояло свернуть. Постоянно мы сверялись с ориентирами, а один раз, когда мы проскочили поворот, нам

пришлось возвращаться. Мы поняли, что дошли, только услышав знакомый голос - "Кто?" - за дверью. Ничто до этого не давало нам гарантии успеха.

Когда же мы уже в сотый раз навещали моего друга, все было иначе. Мир стал гораздо у' же! Исчезли лишние переулки и дома - они нам стали заведомо неинтересны, поскольку никуда не вели. Прохождение дороги вообще перестало замечаться нами как труд, оно стало одним из автоматизмов. Возможно, мы даже не замечали, как оказывались перед знакомой дверью.

Проблема возникла только тогда, когда нас попросили описать дорогу туда. Мы не смогли это сделать сразу - мы даже не понимали, что объяснять! Нам пришлось мысленно проделать тот путь, который мы делали в первый раз. Мы детально описали поворот, который тогда проскочили, но, видимо, упустили что-то другое, поскольку в тот раз они так и не дошли.

Виной этому - *мерцание* понимания. Суть мерцания в том, что мы можем понимать только непонятные нам вещи. Автоматизм же является для нас вполне понятным (раз однажды

был понят) и требует особых усилий внимания для того, чтобы выявить в нем потенциальную неоднозначность - событие. Однако достаточных условий появления события нет, поэтому у нас нет гарантии того, что мы сможем повторить понимание.

Приведем два примера мерцания. Думаю, всем известна ситуация, когда человек, отлично подготовившийся к экзамену, вдруг забывает, с чего надо начать ответ, что рассказывать. Виновато мерцание. Выучив (исполнив) задание, человек понимает его, делает для себя привычным

автоматизмом. Однако при попытке заново понять - что предполагается на экзамене - он не находит в материале ничего непонятного. События структурирования не происходит. Ничто не указывает ему на то, откуда он должен начать ответ.

Второй пример более тонкий. Он связан с тем, что любимые нами произведения вдруг становятся нам неинтересны. Мы более не находим в них того, что находили раньше. Причина тому все та же. Каждое исполнение любимого произведения приводит к созданию определенной структуры, которая, в конце концов, становится неотъемлемой частью

этого произведения. Мы уже не способны исполнять его по-настоящему. Мы не видим в нем ничего загадочного, поскольку раскрыли его структуру, ставшую слишком понятной. С исчезновением загадки исчезает и интерес.

Горизонты понимания

Существенной особенностью понимания является неполнота. Мы не можем совершенно точно ухватить событие в силу несоизмеримости с происходящим. Тем не менее в ухватывании события через оппозицию мы ухватываем нечто большее. Мы ухватываем

возможность дальнейшего раскрытия терминов оппозиции. Эта возможность - не голая возможность, поскольку имея определенные ожидания и цели, мы догадываемся, где эту возможность искать. Поэтому каждое событие, хоть и не точно, несет в себе намерение дальнейшего исполнения. В каждом открытии есть интерес раскрыть его дальше. Эта избыточность связана с тем, что за значением мы склонны конституировать референт. Мы не можем ограничиться тем, что чашка - это "чтобы черпать или пить". Мы хотим поинтересоваться историей, составом, формой и т.д. Хотя

референт, как часть Мира, нам недоступен, он выступает неявной темой наших разговоров как замысел. Он нужен именно как цель нашей деятельности. Стало быть, этот референт непрерывно конституируется нами как значение, подлежащее неограниченному раскрытию.

Интерсубъективность как выразимость в Слове

В каждом событии ухватывается новый способ видения, которому мы даем имя. Это имя становится чем-то большим, чем просто имя, поскольку выступает в доселе немислимой для

него роли - служить вестником вот этого, несоизмеримого с нашими словами, события. Поэтому помимо структурного аспекта слова включают и нечто большее. Отсюда наша доверчивость к словам.

В нашей жизни появляются неудобства, и я говорю: "наверное, и к этому можно привыкнуть и полюбить". И вы понимаете мои слова. Но разве я употребил их правильно? Я безусловно не знаю, что такое "полюбить". Я не способен даже просуммировать мой личный опыт, сказав: "вот это - любовь, а это - нет". Эти слова словно бы вырвались против моей воли, но я не

хочу от них отказываться. Я беру за них ответственность. Потому что уверен: сказав "полюбить", я обратился не к "идее" (ведь идея - не смутна), не к "употреблению" (я не умею употреблять), а к загадочно существующему слову - загадочному для меня и для вас. Сказанное мною слово словно расширилось над своим предполагаемым смыслом, включив в себя возможность, даже уверенность взаимопонимания. Так птица клюет зерно, оставаясь при этом птицей.

Поэтому если мы так уверены в том, что птица понимания сопутствует каждому намеренно сказанному

слову, мы обретаем право на выговаривание. Нам не следует заботиться о подрезании крыльев словам. Познание становится самовыяснением в самовыговаривании (не "выговаривании себя"!)). Напротив, если мы отрицаем значимость слова как мостка понимания, мы вынуждены бесконечно урезать слова, ограничивая их единственными смыслами, в постоянной борьбе с естественным языком.

Интерсубъективность

Вопрос об интерсубъективности - это вопрос о генезисе системы значений в событиях. Поскольку единственным условием интерсубъективности является общность события, надо понять, как связать с происходящим определенное значение-событие.

Оказывается, что ответа на этот вопрос нет. Вспомним наше затруднение определить то, что с нами произошло в лесу. Мы способны осознать (или конституировать), что это было, создав новое значение на горизонте ("проделав новую дыру в стене"). Это

значение, тем не менее, окажется никак не обусловлено происходящим. В силу того, что сфера ожиданий события, наши намерения, были связаны с лесом, значение события будет увязано с лесом, прогулкой, пушистыми деревьями и прочими замеченными благодаря определенному настроению значениями с горизонта. Тем самым загадочное, чудесное событие будет осмыслено без всяких на то оснований, "по смежности". Ведь в сущности ощущение "что-то важное произошло" не зависит от того, много ли выпало снега в лесу и, вообще, было это в лесу или нет.

Напрашивающийся выход из затруднения состоит в том, что каждое событие конституирует новое значение. Однако, казалось бы, мы умеем мыслить события в рамках уже существующих значений.

Например, если стул, на котором я сидел, внезапно сломался, произошло событие, вполне укладываемое в рамки наличной системы значений.

На самом деле, происходящее, конечно, никогда не укладывается в рамки значений, хотя бы в силу несоизмеримости. У нас нет механизма соотнесения

происходящего со значением, однако есть механизм восстановления события.

Действительно, если бы происходящее было как-то связано с системой значений, мы бы не колеблясь смогли различить действия "упасть со стула" и "встать со стула". Но маленький ребенок, которому стул велик, произведет одни и те же действия, если захочет встать или если нечаянно свалится - постепенно сползая. У нас нет критерия различения этих действий. Мы различаем их, исходя из ожиданий, которые сообщают нам, собирался ли

ребенок встать или он нечаянно свалился.

Отсюда видно, что мы вообще не воспринимаем сознательно действия, которые реально (в Море) совершил ребенок. Мы формируем их как ожидания, относительно мира нашего сознания.

Единственным критерием, позволяющим соотнести Мир с миром является успешность наших ожиданий. Если мы открываем дверь, а она при этом ломается, происходит событие, позволяющее внести коррективы в нашу систему значений по параметру (категории)

открывания дверей. Аналогично, если с нами что-то непроизвольно случилось, однако мы знаем, что сидели на стуле и соответственно, ожидали либо со стула встать, либо упасть, то только неудача попытки опуститься на стул может показать нам, что мы не непроизвольно вскочили, а непроизвольно упали.

Подчеркнем, что альтернатива "упасть/вскочить со стула" - не неизменный эйдос, а возникшая когда-то благодаря первому осмысленному падению со стула оппозиция. Имя ее также произвольно и культурно обусловлено. Например, если на пол

падает чашка и разбивается, для нас, предсказавших этот результат, события не происходит. Для ребенка, не догадывающегося о том, что бывают бьющиеся и небьющиеся предметы, события также нет, поскольку нет оппозиции. Однако как только мы обращаем его внимание на то, что "чашка разбилась", у него формируется новое (пока что ни с чем не связанное) значение "разбилась". Если плюшевого мишку ему не запрещают кидать на пол, то он тоже может посчитать, что упав он "разбился" (поскольку не знает, что это такое). Событие произойдет,

когда взрослый скажет ему, что нет, не разбился, он не бьется. С тех пор он будет ожидать от мишки вполне определенных свойств и в его сознании новая оппозиция бьется/не бьется увяжется с оппозицией мишка/чашка 8) .

Необходимое условие понимания

Свойство полагания за событием какого-то значения - фундаментальное свойство, без которого взаимопонимание не было бы возможно. В параграфе о смысле мы говорили о "замысле" или "вести", сопутствующих любому видению. Поскольку наше видение

всегда нацелено на вещь, мы и событие уподобляем вещи, предполагая за ним всегда существующий план значения. Событие мы невольно трактуем как весть. Мы можем не верить в то, что событие вообще несет какую-либо весть. Однако как только мы пытаемся осознать событие как нечто, поддающееся разъяснению, мы фактически конституируем "замысел" события.

Сконструированное нами значение, которое означает ту самую "весть события", изначально бессмысленно, ни с чем не связано. Все мы - свидетели события - обладаем теперь

ЭТИМ НОВЫМ УЗЛОМ СИСТЕМЫ значений. Он одинаков именно потому, что ни с чем не связан. Он - тема нашего разговора. Теперь все события будут отсчитываться относительно этого узла. Узел начнет раскрываться в - совершенно идентичную для всех нас - структуру. И только по окончании разговора это тождество рассыпется, когда созданная структура встроится в индивидуальную систему значений участвовавших в разговоре субъектов.

Представим, что мы разговариваем с эллином V века до нашей эры. Вдруг рядом раздается грохот. Все дальнейшее выяснение - справа или

слева, пострадал ли кто, произойдет совершенно идентично для нас обоих. В ходе расследования наши системы значений могут пополниться (если я спрошу грека про осколок, то мне придется объяснять, что это и что такое бывает), измениться. Однако по расставании я буду уверен, что это мальчишки взорвали серу, а эллин - что это было знамение Зевса, непосредственно к нему относящееся.

Наше сходство не в настоящем, поскольку наши миры различны. Наше сходство в будущем, в принципиальной возможности

соизмеримости, возможности нового видения. То есть в возможности конституировать значение, единственным свойством которого будет его общность разным мирам, и, отталкиваясь от этого значения, создать идентичные структуры.

Сент-Экзюпери говорил: "Мы признаем наше родство с теми, кто не похож на нас. Но какое это необычное родство! Оно основывается на будущем, а не на прошлом. На цели, а не на истоках. Мы друг для друга - странники, разными путями устремляющиеся к одному и тому же свиданию" [2, с.351].

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что мир (феноменальная данность) - это все, ухваченное сознанием. Однако только часть мира доступна вниманию, а именно часть, отфильтрованная настроением. Над этой частью происходит работа понимания, которая приводит к изменению системы значений субъекта (знания). В свою очередь, знание определяет способ явления феноменальной данности, и здесь круг замыкается.

Видение оказывается существенно определено четырьмя компонентами:

1. самой вещью, феноменом;
2. системой значений, в рамках которой вещь ухватывается;
3. настроением, определяющим ожидания, на фоне которых вещь должна выделяться как иная;
4. намерением или интересом, указывающим горизонт ухватывания, конституирующим область, в которой вещь будет рассмотрена.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Работа выполнена при поддержке
РГНФ: грант №98-03-04230

1) Автор втайне уверен, что это невозможно.

2) Известно, что дети рисуют *без* перспективы. Отсутствие перспективы в детских рисунках не мешает им корректно воспринимать изображенные смыслы. Более того, есть опыты, подтверждающие то, что мы умеем *видеть* вне перспективы, что перспектива - это только способ осмыслить видимое.

3) Мы не видим причин, почему совокупность удержанных переживаний нельзя называть "неактуальным содержанием

сознания". Ведь сказать, что в моем сознании есть значение дома, гораздо естественнее, чем сказать, что значение дома находится во "втором я". Однако Гуссерль борется с естественным языком, стремясь к однозначности употребления, поэтому он термин сознание толкует только как последовательность переживаний. Мы же будем говорить о сознании расширительно, включая в него индивидуальную систему значений.

4) Сент-Экзюпери пишет: "Поле действия сознания совсем недалеко.

Разом оно вмещает только одну проблему" [2, с.260].

5) Например, "я человек, а не Бог, поскольку не всемогущ" или "красный волк - не медведь, поскольку медведь - не волк".

6) Я благодарен Н. Константинову за этот пример.

7) Впрочем, надо напомнить, что *даже обладая определенным автоматизмом, мы не имеем гарантии успешного действия.* Это связано с тем, что настроение, отбирающее автоматизмы, не поддается полному контролю.

Приехав на море, мы можем настолько обрадоваться простору и крепкому ветру, что автоматизм "следить за приливами" станет нам недоступен.

8) Это, конечно, предполагаемая реконструкция.

Литература:

1. *Мамардашвили М.*

Необходимость себя. - М.:

Лабиринт, 1996.

2. *де Сент-Экзюпери А .* Планета

людей. - Кишинев, Картя

Молдовеняскэ, 1973.

3. *Фреге Г.* Избранные работы. - М.: ДиК, 1997.

4. *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени. - Томск: Водолей, 1998.